

ОГНЕУПОРЩИК

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие – как часовые.*

В. Высоцкий

Этот город даже не был Ему родным. Он появился на свет далеко отсюда, в Смоленской губернии. Но семья приехала сюда в голодные годы, и это семью спасло – здесь росла кукуруза. Он менял на станции Майорск мешки с початками на соду, мыло и другие необходимые вещи – помогал матери. Поэтому уважал эту землю и был ей благодарен.

А потом воевал за неё. Горел в танке. На спине до самой смерти сидел шрам от ожога.

– Папа, – спрашивала дочь, – Почему ты не рассказываешь о войне?

– А что я буду рассказывать? Как я в окопе с товарищем сижу, а он вдруг на меня валится, и я обнаруживаю, что у него головы нет? Или как я по трассе на танке еду, а на проводах человеческие кишки гроздьями висят? Ничего красивого на войне нет – грязь и кровь!

Позже Он встретил здесь свою судьбу. Лену, похожую на Любовь Орлову и посвятившую всю себя любви к мужу.

Работала она воспитателем в детском садике. Прорабатывала горы литературы – по детской психологии, развивающим играм... Но всё о ней может сказать эта история. Однажды Лену вызвала директор сада. Ненадолго, отсутствовала она не более десяти минут. С детьми оставалась няня. Детей нельзя оставлять одних, ни при каких обстоятельствах. По служебной инструкции и в соответствии со здравым смыслом.

Когда Лена вернулась, няни не было. Куда её унесло – хрен знает, но детки нашли себе занятие. Двое повисли на двери, ведущей в противоположную комнату, и катаются взад-вперёд. А одна девочка держится за косяк двери так, что закрывающаяся дверь вот-вот размозжит её пальцы.

Лена, не раздумывая и не колеблясь ни секунды, летит через всю игровую комнату и единственное, что успевает – вставить в щель собственную руку.

Врачи еле собрали из осколков безымянный палец. От ампутации спасло обручальное кольцо, сплюсцившееся до очертаний скрепки. И потом палец был искривлён, и Лена носила обручалку на среднем.

Девочка осталась бы без кисти руки.

Он яростно учился, мучительно вспоминая школьную химию. Вообще-то раньше мечтал быть геологом. Но ведь металлургия и огнеупорная промышленность не так уж далеки от геологии?

Родители Лены помогли выжить.

Родились дети, сын и дочь. Он очень хотел, чтобы дети выучились.

А сам стал инженером-огнеупорщиком. В Донецке имелся филиал Всесоюзного Ленинградского института огнеупоров – тогда ещё был не Санкт-Петербург, а Ленинград. Пришлось ездить по всему Союзу с опытными партиями изделий. Огнеупоры нужны на каждом металлургическом за-

воде – такова специфика промышленности. На донецкий адрес приходили неподъёмные посылки с керамической и силикатами.

– Папа, что тут? – важно спрашивала дочь, указывая пальчиком на очередную посылку, отправленную начальником со смешной фамилией Материкин. – Пробки, трубки или стаканы? Опять Материкин прислал?

Дочка визжала от восторга, когда Он возвращался домой из бесчисленных командировок. Привозил всегда что-то радостное – миниатюрные ёлочные игрушки... Яркие апельсины в сетке... Московские булочки – нигде таких не пекли! Орехи из Молдавии и арахис из Казахстана!

– Папа, папа приехал!

И всегда к Новому году успевал достать ёлку, как бы трудно это ни было! Дочь сидела под ёлкой, жевала иголки – ей это безумно нравилось – и сочиняла сказки, персонажами которых были игрушки, привезенные папой.

А книжки, которые Он тащил через всю страну – отдельная история!

– Так, русские народные сказки... Братья Гримм... Греческие мифы! Французские легенды!

Сын вырос и высшего образования не захотел. Просто работал токарем, хотя много читал, очень любил кино и обладал недюжинной эрудицией. Дочь выросла и училась как проклятая, потому что вбила себе в голову, что сделает большое открытие в генетике. Ну и хорошо. Пусть делает. Он и сам мечтал о многом в своё время. Хотел построить подводную лодку и плавать, как капитан Немо. Открыть таинственный остров, как капитан Грант. Летать на другие планеты, как капитан Бартон...

Ну, Бог с ними, с капитанами. Он делал кирпичи, стаканы и трубки. Для донецкой металлургии.

На пенсию долго не уходил, потому что не знал, как обходиться без работы. Потом, когда всё же вышел, говорил: «Ремонт меня спас. Иначе не смог бы».

А когда умер, шли уже девяностые. Бывало, что и болтушку из муки с Леной ели. Дочка, оказавшаяся по распределению вместо исследовательского института в школе посёлка Зайцево, подбрасывала картошки. Но гордые родители помощь не приветствовали – это мы, дескать, должны детям помогать, а не они нам!

Он сидел за столом в кухне и смотрел в окно. И вдруг сказал:

– Это всё из Космоса...

И повалился набок.

Дочка в этот момент спала, в свой выходной отсыпалась. И снилось ей, что на пороге папа, приехал, как когда-то из Ленинграда, с полной сеткой оранжевых апельсинов!

– Папа, папа приехал!

Под Его гроб жена постелила лучшее покрывало. То, которое на диване лежало лишь по большим праздникам. Она бы и сама в этот гроб легла, если бы могла. И ушла в себя на долгих одиннадцать лет – столько ей суждено было прожить без Него...

А Он не ушёл, оказывается. Чувствовал – что-то не так, что-то назревает, уходить нельзя! Придётся помочь детям, они здесь остались, и не только они!

На Щегловке скучно и пусто. Не лучшее кладбище, но на тот момент выбора не было. Участок со свежими могилами, ещё не обсаженный деревьями. Со склона церковь Макеевскую видно.

Ждал Он Лену и дождался. Лежали они рядом, как и хотели. Дети выполнили её просьбу – положить в гроб Его письма. Которые Он ещё со сверхсрочной службы ей писал.

А вот и началось. Со Щегловки было слышно сразу же. Аэропорт недалеко... Дочь ехала с работы и увидела столб дыма над аэропортом.

Через два месяца она шла по бульвару Пушкина. Когда-то отец Лены, главный инженер службы зданий и сооружений Донецкой железной дороги, проектировал этот участок бульвара и зданий. Когда-то мамнины родители там и жили. А сейчас бульвар пуст, хоть криком кричи. Витрины магазинов закрыты щитами. Она шла оплатить интернет – в компании «Матрикс», едва ли не единственной, которая не сбежала из Донецка.

– Тюк-тюк... тюк-тюк... – стучали её каблук по пустому бульвару. Эхо било в голову. Отзывались лишь далёкие разрывы – что там происходит? – А кто ж его знает...

«Как же ей страшно», – подумал Он. Помочь им, во что бы то ни стало!

Ей и было страшно. Всё валялось из рук. Не хотелось ни готовить, ни убирать. Она часами сидела на полу в спальне и смотрела на библиотеку, которую начал собирать отец, а она подхватила. Когда книги стали доступны, покупала с жадностью, не жалея денег. Сейчас здесь было около четырёх тысяч томов.

Дом могут разбомбить. Книги сгорят.

Её вводили в ступор два факта. Во-первых, значит, государство может вот так просто решить убить часть своих граждан, пригнать войска и начать стрелять по городам? И никому за это ничего не будет? Так можно?

А во-вторых, те кумиры, которых эти люди любили, на концерты которых стремились попасть, фильмы с участием которых обожали, тоже почему-то решили, что их надо убивать. Макаревич давал концерт перед украинскими солдатами, а в подвале соседнего здания сидели избитые, измученные ополченцы. Наверное, им было слышно.

А когда-то они всем классом писали в «Комсомолку» письмо. В защиту «Машины времени». После разгромной статьи «Рагу из синей птицы».

Донбасс должен выстоять в огне. Здесь огнеупорные люди как живые, так и уже умершие!

Поднять всех. Всех, кто может помочь.

Вначале к тем, кто работал на Донецком металлургическом заводе. Лежат они не так уж далеко. Тут же, Щегловка. Или Мушкетово.

– Папа, пойдём бабочек ловить?

В посадке, по дороге на кладбище, где похоронены бабушка с дедом, летали самые красивые бабочки. А ещё там падали жёлуди с дубков, гладкие, как полированные! И вдоль железнодорожной насыпи почему-то были насыпаны ракушки – откуда их привозили, почему именно морские ракушки? Так весело было их собирать!

Ещё запомнилось, как после весенней прогулки несли с мамой букет цветов абрикоса. Абрикосов сажали много, летом многие даже варили из них повидло, хотя чаще всего плодики были жилистыми – дички! Но сколько радости доставили тогда эти цветы!

– Привет, Андреич, сто лет не виделись! Ты когда... того... тоись?

– Давно, Михалыч, давно... Что думаешь?

Этот старик был похоронен на «Красной звезде». Хороший старичок, бывший партизан. После войны проработал на заводе до самой пенсии.

Дочь Он как-то привёл – показать цех. Внутрь, конечно, не пустил. В невыносимой жаре более пятидесяти градусов могли находиться лишь привычные ко всему, огнестойкие плавильщики. Но слябинг был открыт, и хорошо было видно, как поток, сияющий огненной радугой, медленно застывает и превращается в аккуратный брусок.

Михалыч однажды спас весь цех. От взрыва. Однажды туда приволокли вагон металлолома.

А у старого партизана глаз-алмаз!

– Стойте, ребята! Стойте, нельзя это в печь! – заголосил он, бросаясь наперерез вагону.

Оказалось, среди металлолома лежит мина. Времени Великой Отечественной. Неразорвавшаяся.

Разворотило бы всю печь. Как бы не весь цех.

Как только старичок её углядел?

– Что делать будем, Михалыч?

– Как что? Стоять! Насмерть!

И удалился. В сторону мемориала павшим воинам «Живые – бессмертным». Где ж ещё витать духам защитников завода?

А теперь доломиты. Без них огнеупорщикам никак.

Да, Никитовский завод давно не работал. Мало того – сейчас там стояли «воины света».

Сюда Он когда-то приезжал за опытными партиями изделий. А потом дочь какое-то время работала в школе, где учились дети рабочих.

Посёлок Зайцево... Скоро его практически сравняют с землёй. Интернет обойдут многочисленные фото разрушенной школы. На одной такой фотографии виден учебный плакатик из кабинета химии и биологии – «Эвгена зелёная»... Эвгена – на полуразрушенной стене... Ученики дочери рисовали. Памятник воинам-освободителям во дворе школы кроется шрамами от многочисленных осколков, но выстоит.

Пострадает и мемориал за речкой Бахмутом, где каждый год ко Дню освобождения Донбасса проходили торжественные линейки...

Вышла старушка Вера Терентьевна.

– Всю жизнь тут отпахала, – проворчала она. – Вот уж не думала, что снова воевать придётся!

Бабушка обожала свой огород и внуков, тоже когда-то учившихся в школе, от которой теперь осталась бетонная коробка.

– Что делать будем?

– Стоять! Насмерть! Нам-то уж всё равно! Не волнуйся, Андреич, я всех соберу!

А впереди было очень значимое... Едва ли не главное.

Саур-Могила.

Как мало холмов в Донецкой степи! Она, конечно, не ровная, как столешница. Скорее, волнообразная. Курганы ещё иногда попадаются. Возможно, под ними спят скифские воины. Иногда археологи находят рядом с останками – не золото, нет. Мечи, наконечники стрел. Посуду. Бусы. Под Макеевкой даже обнаружили могилу жрицы – или ведуньи? У неё было бронзовое полированное зеркало. Огромная по тем временам редкость. Наверное, хозяйка предсказывала будущее. Что видела она в том зеркале, что могла предугадать?

Вряд ли это были наши предки. Племена кочевые, прошли и ушли. Но, может быть, они всё же считали своими земли, по которым кочевали?

А Саур-Могила гордо возвышается над равниной. Она здесь – царица. Ключ от Донбасса.

И хоть основной обелиск мемориального комплекса отливали в Киеве, по проекту киевских же архитекторов, пилоны и горельефы, изображающие реальных героев – артиллеристов, пехотинцев, танкистов, изготовили всё же здесь, на родине. На Макеевском трубно-механическом заводе. Из железобетона и гранита. То есть – тоже огнеупорные!

И лежат под мемориалом две сотни неизвестных воинов. Прорвавшие оборону Миус-фронта и овладевшие высотой. Положившие начало освобождению Донбасса. Сто тридцать два были захоронены после войны. Останки ещё восьмидесяти найдут уже после разрушения комплекса.

– Мы встанем, – отвечали они. – Встанем снова. Насмерть. А как иначе?

– И мы встанем, – раздались другие голоса. И ещё... и ещё...

– А про нас забыли?

Это услышали про беду воины, павшие в битве на Калке. И пришли из дальней тьмы.

– А мене чи візьмете? Чи прокленете?

– А это кто ещё?

– Та Сава ж я, казак, тезка Могили нашої. А це брат мій, Леонгій. Ми звідси татар відганяли! А тепер...

– Что ж, Сава, братья-то твои творят? Казаки запорожские?

– Та які ж то запорожці, тьху на них! Коли ж то запорожці на своїх йшли?

С каким восторгом читали мы когда-то про подвиги казаков! И гордились братством украинского и российского казачества.

Оказалось, мы – не братья. А когда-то на тот же мемориал вместе и средства собирали, и проектировали его.

Ну, если уж и Сава...

Да и не только Сава. В темноте замелькали уж вовсе немыслимые тени.

Скифы! Скифы всё же пришли! И ведунья стоит впереди всех с зеркалом в руках. Наша ведь, макеевская.

– Мы в убежище пошли! – кричал в это время Его сын сестре по телефону. – Гладковку бомбят!

Из трубки выло и грохотало.

– Ой, Сашенька, иди скорее!

В те дни серьёзно пострадает Краеведческий музей. Обрушится крыша левого крыла, повредив чучело мамонта. Погибнут многие экспонаты. Чудом выживет Рыжий – кот, общий любимец, и с тех пор будет носить под шкурой осколки, которые ветеринары побоятся удалять.

Кота-то за что? Сепаратист?

И хотя переходила высота несколько раз из рук в руки, но ополченцы пошли вперёд. И закрепились окончательно. Как мало их осталось после многочасового боя! А они, пользуясь чудом сохранившейся мобильной связью, вызывали и вызывали огонь на себя. Чтобы не дать врагу подняться по склону. Иногда и не разобрать было, чьи снаряды рядом ложатся – свои или вражеские.

Но мелькали рядом тени и отводили снаряды от воинов. Сколько могли. Насколько хватало их призрачных сил. Падали гранитные плиты, крошился железобетон, а люди стояли. И продолжали призывать огонь.

Неожиданно пришлось павшим столкнуться ещё с одной напастью. Рядом с осаждавшими высоту замелькали совсем другие тени – чёрные, липкие. Потому что эта земля хранила кости не только защитников, но и захватчиков. Тех, кто пришёл, неся смерть и злобу, и остался гнить в забвении.

Вылез из могилы фашизм, протянул свои жадные щупальца в умы и души. Долго ждал и дождался...

Пришлось призрачному воинству отвлекаться, отбивая атаки чёрных теней. Правда, сил у тех было не так много – слишком уж прогнившими оказались эти души.

И Он не отставал. Где-то рядом душа Лены истекла слезами. Опять, опять война! Которую Он ненавидел. И верил, что она не вернётся на эту землю.

Вернулась. Не добились гадину. Снова окопы, снаряды и рваные куски тел человеческих...

Прилетал штурмовик, навредить успел, но был ослеплён ведуньиным зеркалом, развернулся, ушёл и был сбит под Макеевкой. В верном направлении отправился.

Потом ополченцы будут рассказывать журналистам о том, как мелькали рядом с ними непонятные отблески, дым свивался в странные фигуры. Наверное, чудилось среди непрерывных вспышек и взрывов. Или не чудилось?

А когда наконец все атаки были отбиты, и дымное облако рассеялось, с вершины стало видно море. Наше, Азовское, родное!

Дочка мечтала о море, хотела когда-нибудь увидеть океан. Но в детстве и Азовское море выглядит океаном, а счастья уж точно приносит не меньше. Ракушки, уже не с железнодорожной насыпи, а из самого моря. Разноцветные камушки, некоторые волшебные, с дырочками. Тёплая вода, в которой можно сидеть сколько угодно, и не простудишься. Волны, на которых можно прыгать, как на батуте. Ямка с голубой глиной, про которую говорят, что она помогает при болезнях суставов. Вот сколько чудес!

А взяв Саур-Могилу, на побережье вышли очень быстро. Да, потеряли его значительную часть. Но хотя бы Новоазовск наш, хотя бы Седово!

Он потом очень жалел, что не попал в Мариуполь, не поднял своих и там. Ведь сколько раз был и на Азовстали, и на заводе имени Ильича!

Не надо было останавливаться тогда... Но уж очень больно резануло.

На линии пересечения возле Волновахи тётка, предлагающая комнаты для коротающих ночь в очереди, громко заявила:

– Только и жить стали, как эта война пришла! Хоть бы длилась подольше! Дай Бог здоровья тому, кто её начал!

Какой, интересно, Бог у этой тётки? Видела ли она хоть раз дом, развороченный снарядом? Или детей, сутками не вылезающих на солнечный свет, потому что надо прятаться в подвале от обстрелов? Слышала ли вой матери, откапывающей из-под развалин тело собственного ребёнка?

Наверное, нет. Потому что наши снаряды в сторону жилых домов не летают.

Не все, значит, у нас огнеупорные. Есть и те, чей уровень – корыто. И всё равно, кто в него наливает сытные помои, замешанные на чьей-то крови.

Дочери довелось как-то беседовать с группой психологов, оказывавших помощь детям из Широкино – когда там ещё кто-то жил. Потом в посёлке то менялась власть, то он оказывался в серой зоне, пока не опустел окончательно. Узнала много интересного. Например, о сущности человеческой.

Психологи организовывали игры с детьми, пытаясь как-то снять стрессовые состояния. И заметили, что одну девочку в игру не берут. Не хотят.

Стали выяснять, в чём же дело. Выяснили.

– А почему в наши дома попали, а у неё целый?

В качестве тестового задания детям раздавали картинки с силуэтом человека. Как раз после того, как посёлок в очередной раз перешёл от украинцев к ополченцам. Нужно было закрасить силуэт в цвета, символизирующие чувства, которые этот человек вызывает. Образцы

цветов были приведены тут же. Но один из мальчиков даже не посмотрел на них. Он просто взял чёрный карандаш и заштриховал всего человека.

- А почему ты так сделал?
- Он плохой. Он у меня забрал.
- Что забрал?
- Я не помню...

То есть «воины света» попросту вынесли из домов всё стоящее. Какая-то вещь была так дорога мальчику, что психика вытеснила память о ней. Чтобы не сойти с ума от потери.

И в Иловайском котле, и в Дебальцевском души витали над битвой. И враг замирал в ужасе, внезапно увидев перед собой обнажённого по пояс скифа с копьём. Или красноармейца с пятиконечной звездой на головном уборе.

Краматорск, Константиновка, Славянск остались «на той стороне». Ситуация вначале затормозилась. Потом была заморожена. Но души никуда не ушли. Они ждут, когда и где понадобится их помощь.

Потому что Донбасс не может быть расколот. Не может он быть и отделён от России. Именно на Константиновском заводе «Стройстекло» было сварено рубиновое стекло для кремлёвских звёзд. Оно выдерживает ветер и мороз, дождь и снег; выдержало и перестройку, и раскол Союза. Выдержит, что бы ни случилось. Наверное, тоже сверхпрочное, как всё донбасское.

*Донбасс – сердце России.
Пока Донбасс стоит – и России быть.
Наши предки позаботятся.
И Огнеупорщик тоже здесь.*

А потом пришёл сын.

- Вот, па... И я уже здесь. Помогу, чем смогу.
- Да что ж ты так рано?!
- Получилось так, извини. Тромб.
- Как же она там одна?
- Ничего, справится. Я ей звонить буду!

– Сашенька, Сашенька! – кричала его дочь. – Это ты?! Сашенька!

– Танька, ты что психуешь! Не смей! Сегодня тринадцатое ноября!

Каждый год в этот день будешь мне рассказывать, что сделала за год!

– Саша, ну а ты там как?..

Заминка.

– Ну... место хорошее...

– Место хорошее, а тебе-то как там?!

– Хотел бы я тебя видеть рядом... но тебе сюда не надо!

– Сашенька, я понимаю, что мне туда не надо... Но вот ты там, уже всё знаешь. Скажи, что будет?

Щелчок в трубке.

Женский голос.

– Вы там с ума сошли, что ли! Мы только по одной минуте разговаривать разрешаем! Он вам ничего больше не скажет!

– Девушка... девушка, я понимаю, что Вы – Ангел. Но раз мы уже с Вами говорим... Папе... папе привет передайте! Только не забудьте! Пожалуйста!